

«Продолжение зеркал»

XXIII

Международная
научно-тематическая
конференция

(к 175-летию И.В. Цветаева
и 130-летию М.И. Цветаевой)

17–19 октября 2022

Сборник докладов

Дом-музей
Марины Цветаевой
Москва 2024

Ирина Шкурлатовская (Болшево)
Флоран Дельпорт (Париж, Франция)
Мари Артемюфф-Теста (Каденз, Франция)

Неизвестный текст на экземпляре поэтического сборника Марины Цветаевой «После России»

В 1928 году вышел в свет последний прижизненный сборник стихов Марины Цветаевой под названием «После России». В него вошли 160 стихотворений, написанных в первые три года жизни вне России, в эмиграции, с 1922 по 1925 год. В письме к чешской подруге Анне Антоновне Тесковой Марина Ивановна объясняла, почему книга получила такое название: «Книга (только Вам) называется После России — хорошо? В этом названии слышу многое. Во-первых — тут и слышать нечего — простая достоверность: все — о стихах говорю — написанное после России. Во-вторых — не Россией одной жив человек. В-третьих — Россия во мне, не я в России. В-четвертых: следующая ступень после России — куда? — да почти что в Царство Небесное! А в общем название скромное и точное»¹. Книга вышла в апреле 1928 года общим тиражом около пятисот экземпляров. Это единственный прижизненный сборник стихов Цветаевой, вышедший во Франции. В настоящее время сборник является библиографической редкостью. Особый интерес, естественно, представляют экземпляры с автографами. Работа с каждым таким экземпляром погружает исследователя в интереснейшие истории взаимоотношений Марины Цветаевой с ее современниками — Владимиром Маяковским, Борисом Пастернаком, Павлом Антокольским, Верой Муромцевой-Буниной, Георгием Артемовым и Лидией Никаноровой.

Супружеская пара — Георгий Калистратович Артемов и Лидия Андреевна Никанорова — русские художники, эмигранты первой волны. Они познакомились в Константинополе 10 февраля 1922

года, а поженились лишь спустя 5 лет — 3 июля 1927 года в Париже. В свое время от архитектора Жака Солнье они получили заказ на фрески для его замка в Верьер-ле-Бюисон. Интерьер должен был быть расписан на темы Азии и русского фольклора. Благодаря этой работе Артемовы смогли купить небольшой домик в Кламаре, где к тому времени уже поселилось много русских. Артемовы полюбили этот парижский пригород, с удовольствием гуляя в его окрестностях со своими собаками Лелем и Кускусом. В доме у Артемовых бывала семья отца Сергея Булгакова, Трубецкие, Юлия Рейтлингер, Марина Цветаева с Алей и Муром. Аля фотографировала Георгия и Лидию. Известна фотография, на которой в садике дома Артемовых запечатлен Георгий Эфрон (Мур). Марина Ивановна позировала Артемову для портрета. 19 марта 1931 года Цветаева на авантитуле экземпляра «После России» написала:

«Стой себе да пой
В небе голубом!
Весело весной
Строить новый дом!
МЦ
На счастье
19 марта 1931 г.»

Из текста автографа Марины Ивановны не понятно, к кому она обращается, кому подписывает сборник. Но в правом углу авантитула прекрасно сохранился автограф, предположительно, Сергея Яковлевича Эфрона — «Л. Никаноровой». Это дает возможность с уверенностью утверждать, что Марина Цветаева 19 марта 1931 года подписала экземпляр Лидии Никаноровой. В этом нет ничего удивительного, ведь Лидия была поклонницей творчества Цветаевой, достаточно хорошо знала ее стихи. Доподлинно известно, что она была на первом парижском поэтическом вечере Марины Цветаевой, который состоялся 6 февраля 1926 года в Союзе молодых поэтов и писателей. Вечер имел огромный успех. С 1925 по 1935 год Лидия Никанорова переписывалась с Павлом Безсоновым. Эта переписка легла в основу сюжета романа Каверина «Перед зеркалом». В письме к Безсонову от 23 марта 1926 года из Бонифацио (Корсика, Италия) она пишет: «Была на вечере Марины Цветаевой,

хороший был вечер; читает очень приятно. Новых стихов не читала. Сейчас она живет в Париже и очень бедствует. Она и муж казие-то безалаберные люди, несмотря на то что она всюду печатает, они всегда бедствуют»¹.

Из письма видно, что Лидия Никанорова не только знакома с творчеством Марины Цветаевой, но знает финансовые проблемы семьи, дает оценку умению Марины Ивановны и Сергея Яковлевича организовать жизнь во Франции. Что же касается автографа на сборнике, то это — искреннее пожелание счастья в уютном доме с любимым мужем. Счастье Лидии и Георгия продолжалось до 1938 года. В 1936 году у Лидии диагностировали рак, она была прооперирована. Вскоре после этого супруги переехали на юг Франции. 1 августа 1938 года Лидия Никанорова скончалась и была похоронена в деревне Водрейль. Несколько месяцев спустя Артемов вернулся в Кламар. 10 мая 1940 года немцы начали наступление на Францию, объявившую Германию войну еще 3 мая 1939 года в связи с нападением последней на Польшу. В результате blitzkriega, 22 июня Франция вынуждена была подписать перемирие. 14 июня немцы вошли в Париж. Правительство бежало в Бордо. Артемов спешно покинул Кламар, но его произведения, библиотека остались в доме. Он поселился у друзей на юге Франции, сначала в Костельнодари, потом в Тулузе. Позже Георгий Калистратович переехал в Сорез, где прожил 10 лет. Он познакомился с французской художницей Жанной Астр, и в 1942 году они поженились. 3 июля 1945 года у них родилась дочь Мари. Артемову было 53 года. После войны Георгий Калистратович вернулся в Кламар, но, для очередной выставки, продолжал уезжать на юг Франции. Он умер в 73 года в Южных Пиренеях, в Ревёле, в доме своей жены.

В настоящее время Мари Артемофф-Теста живет на юге Франции, в маленьком городе Кадене недалеко от Экс-ан-Прованса. 26 мая 2018 года она передала в дар Мемориальному Дому-музею Марины Цветаевой в Болшеве тот самый экземпляр сборника «После России». Такое решение госпожи Артемофф-Теста, безусловно, личная заслуга Льва Абрамовича Мнухина. Торжественная и трогательная церемония передачи этого экземпляра в дар проходила в Москве, в Доме-музее Марины Цветасвой. Бесценный дар из рук Мари Артемофф-Теста получила Зоя Николаевна Атрохина — первый директор Мемориального Дома-музея Марины Цветаевой в

Болшеве. В своей краткой речи она сказала, что считает этот, счастливый для нее, момент хорошим заключительным аккордом двадцатипятилетней работы на посту директора.

Итак, автограф Марины Цветаевой выполнен черными чернилами, расположен на внутренней стороне авантюла и находится в прекрасной сохранности. Автограф Сергея Эфрона расположен на внешней стороне авантюла, в правом углу, также выполнен черными чернилами и тоже прекрасно сохранился. Можно предположить, что сначала сборник подписала Марина Ивановна, а затем — Сергей Яковлевич, возможно, чтобы уточнить, кому адресован автограф. На внутренней стороне обложки, также в хорошей сохранности, располагается неизвестный текст на французском языке, выполненный черными чернилами. На электронную почту Софи Теста, дочери Мари Артемофф-Теста, было отправлено письмо с вопросом к Мари о том, кто мог написать этот текст. Мари любезно и подробно ответила на письмо: «Уважаемая Ирина, Софи прислала мне ваше сообщение на французском языке. Я прекрасно помню вас и нашу встречу. Что касается текста на внутренней стороне обложки, возможно, это была маленькая девочка Элизабет Годзиризе, которая жила в нашем доме в Кламаре со своими родителями во время войны 1940-х годов, после смерти Лидии. Дом в Кламаре представлял для палы его уникальное наследие, с его картинами, рисунками и скульптурами. Можете ли вы прислать мне отсканированную копию этого текста? Не могли бы вы сказать мне, кто такой мистер Флоран Дельпорт, я хотела бы связаться с ним. Знайте, что для меня большая честь привезти в Москву эти воспоминания, являющиеся также знаками дружбы, связавшей Марину с Лидией и Жоржем. Вы меня совершенно не беспокоите. Мне всегда приятно с вами общаться. Помните, что мой визит в Болшево был в память об усопших! Примите мои искренние приветствия и передайте их всему коллективу Maison Musée de Marina, Мари Артемофф-Теста».

Флоран Дельпорт взял на себя работу по переводу неизвестного текста на русский язык. Эта работа была сложна и требовала времени по той причине, что текст, по утверждению Флорана, был написан с ошибками, вероятнее всего, — ребенком. Воспоминания Мари подтверждали версию Флорана. Текст представляет собой меню ресторана французской кухни. Как известно, традиционная кухня Франции условно разделена на региональную народную и

аристократическую, которая сформировалась при дворе Бурбонов. Анализируя этот список, можно сделать вывод, что это меню типичного парижского ресторана среднего класса, в котором представлены блюда различных регионов Франции. Например, кашуле — густая бобовая похлебка с зеленью и мясом — из исторической южной области Лангедок с главным городом в Тулузе, а тонкие блины крепы с тресчим орехом и бананом пришли из Нормандии.

На этом тема не исчерпана. Необходимо уточнить обстоятельства продажи дома Георгия Артемова в Клараре, а также получить более подробную информацию о юной Элизабет Годзиризе, которая написала меню на экземпляре последнего прижизненного сборника стихов великого русского поэта Марины Цветаевой.

¹ Марина Цветаева. Письма к Анне Тесковой. Болшево: Мемориальный Дом-музей Марины Цветаевой в Болшево, 2008. С. 62.

² «Это одно из "самого зоринего" в моей жизни...» — Письма Лидии Никандровны Павлу Безоснову из Франции в Россию (1925–1935). Подгот. текста, коммент. М. Домоуской. Вступ. заметка И. Муромцевой // Звезда, 2016. № 5. <https://magazines.gorky.media/zvezda/2016/5/eto-odno-iz-samogo-zorinogo-v-mojej-zhizni.html>

А.С. Балакин
Королева

Письма Ариадны Эфрон из фонда большевского музея

В Мемориальном Доме-музее Марины Цветаевой в Болшево имеется представительный «Эфроновский фонд». Немало автографов представителей семьи Цветаевых-Эфрон из него опубликовано, но есть и то, что до сих пор не опубликовано.

В 1999 г. друг музея Анна Александровна Саакянц любезно подарила нам несколько писем Ариадны Эфрон: 22 июля 1953 г., 24 июля 1957 г., 27 октября 1958 г. (МОК МЦБ КП 709/1-3). Последнее было впервые опубликовано в сборнике писем Ариадны Эфрон «А душа не тонет...». Оно было отослано из Москвы 27 октября 1958 года по адресу: «Московская обл., Северная ж/д, ст. Болшево, пос. Зеленовод, 12» и адресовано Зинаиде Митрофановне Ширкевич.

Другие два письма адресованы Елизавете Яковлевне Эфрон (Лилснъке) и ее подруге Зинаиде Митрофановне Ширкевич. Они были опубликованы мной в сборнике докладов «Марина Цветаева в XXI веке. XIII и XIV Цветаевские чтения в Болшево» (Москва: Возвращение, 2003). 24 июля 1957 г. А.С. Эфрон пишет из Тарусы (ул. Кирова, 6) в поселок Зеленовод, дом 12, своей родной тете. Долгие годы (думаю с 1945 по 1975 годы) они вдвоем с подругой снимали небольшую комнату на этой даче на несколько месяцев.

Другое письмо (от 22 июля 1953 г.) касается периода ссылки Ариадны Эфрон. Оно написано на двойном разлинованном розовом листе бумаги.

Ранее (1996 г.) был другой дар от А.А. Савкянц:

Две почтовые карточки (МОК МЦБ КП 681/1,2)

Куда: Московская обл. ст. Болшево Поселок Зеленовод д. 12

Кому: Елизавете Яковлевне Эфрон

Адрес отправителя: Москва. А.С. Эфрон

28 июня 1957 г.

Дорогая Лиленька, я и сама не знаю, что писать Асе — пошло денег и напишу что-нибудь смягчающее, а там видно будет. Я не могу брать на себя решать в таком сложном деле. Это ведь Аси, т.е. человек, который при всех известных её качествах, сидит на нас и не слезет (вернее, несмотря на качества!). Выписывать её? Куда? В Тарусу, на шее к Аде, к-ая совсем неспричём, и на хамство Валерии, к-ая и на порог ее не пустит, о чем говорила весьма определенно, и не только говорила, но и сделает? К вам на дачу? Чтобы у вас вместо отдыха перед нашей тесной, душевной и перегруженной зимой был ад крошечный? Ася больной человек и говорит не закрывая рта сутки напролёт, не чувствуя собеседника, долбит его молотком и доводит до иступления в два дня; требует постоянного внимания и отклика на свои разговоры; утопиг вас в семейных скандалах, недоброкачественной мистике, вроде ежедневных сигналов Зубанина с того света. «На время» она не приедет, т.к. времени не понимает и не знает. «Выписать» её нельзя надо за ней ехать и везти её, а т.к. к тому времени все помрится и она не захочет ехать без Риты, то надо будет везти и Риту. Это не меньше двух тысяч — 3 рейса провожатому, 2 рейса им — а время? Для того, чтобы как-то утрясти всё нужны не эти 2 тысячи одновременно, но они же ежемесячно, и то только чтобы как-то наладить материальный хаос, но не весь прочий... Попытаюсь ей предложить, чтобы она сняла комнату там же и жила отдельно, а приезд её сюда отложить на будущий год, чтобы к нему и подготовиться и подготовить что-то, в частности и время, и деньги. М.б. ближе к осени и даже к зиме мне удастся съездить туда, м.б. моя поездка будет полезней, чем ее приезд сюда. До середины октября я связана большой работой — ежедневной, напряженной, — по договору, кроме того нынешнее лето — фестиваль со всеми его сюрпризами, карантинами, перегрузкой поездов, слезкой за приезжающими — а ведь паспорт ее и прописка...

Кроме того, боюсь, что если она приедет, то кончится это тем, что она будет рыдать на нашей братской могиле, и Шюта бедная пропадет ни за что вместе с нами.

Лиленька, я Асю люблю, понимаю, знаю и никогда не буду судить ее за то, что сама она и только она создает себе и окружающим ад крошечный, не жался ни сына, ни его жены, ни внучки — она такова, и не ее вина, что живет она и будет жить в разладе с окружающими, что это — сущность ее. Но мне она не под силу, и именно сейчас. Стихи Б. не выходят — забракованы вверху, там же сейчас и мамина книга, исход, видимо, предрешен. Напишу и Асе, и Андрею — но она ведь адреса не дает!

Пиши — поговорим обо всем. Жду встречи с Э...

Почтовая карточка

Письмо А.С. Эфрон к Р.Б. Вальбе. 1960-е гг.

(МОК МЦБ КП-708, дар Р.Б. Вальбе)

С Новым годом, милая Руфь!

Желаю тебе всяческой удачи, — и да сопутствует она тебе во всех твоих, как разумных, так и неразумных начинаниях, желаю тебе доброго здоровья, ибо оно также необходимо, чтобы переносить удачи и неудачи, к-ых, надеюсь, не будет, желаю тебе работы по способностям, а зарплаты по потребностям, и, наконец, жениха хорошего, а не такого, как на этой открытке!

И да будет так!

Твоя АЭ.

Письмо А.С. Эфрон Елене Николаевне Москаленко

(«сокамернице» по Бутыркам) от 21.11.1965

(МОК МЦБ КП 683, дар А.А. Саакянц)

21 ноября 1965

Милая Леленька, рада была получить от тебя такое большое и подробное письмо о лете. Как удивительно, что мы, не сговариваясь, отправились в паломничество по святым местам, каждый по своим! Как ни суровы те края и земли, как ни трудна и искажена была та жизнь, а всё же — незабвенны и любимы они. Твое паломничество было всерьез, с остановками по своей воле, а мы были

предоставлены воле «стандартного маршрута», и поэтому многое из того, на чем хотелось бы сосредоточиться, буквально проплывало мимо носа. Но необъятного не объемишь — особенно на необъятной территории Красноярского края; спасибо и за то, что Енисей доставил нас от Красноярска до Диксона и обратно, по удивительно хорошей погоде, вдоль баснословных своих берегов. Высаживались мы в разных местах — и в старинных сибирских селах, основанных еще Ермаком; и в древнем и удивительно неприятном на беглый взгляд Енисейске (пыльца несказанная, провинция феноменальная!); и просто на зеленых берегах, где (в Заполярье!) купались и резвились, намазавшись предварительно всеми возможными антикомариными средствами; и в Игарке, не оправившейся и не отстроившейся еще после бывшего там 2-3 года тому назад огромного пожара. Полюбовались на стоявшие в порту чудесные нави современные лесовозы, обслуживающие заграничных заказчиков; стояли белые, незакатные ночи; я так им радовалась, так их люблю! Чем дальше на Север, тем шире Енисей, тем пустынное небо, тем уже и обкатаннее берега, лишённые растительности; и тем глубже и шире некая радостная тоска, переполняющая тебя. Сказочный город Норильск — как бы возникший на другой планете; окруженный рудоносными горами, в тундре, цветущей желтыми маками и голубыми мхами, с кашеобразными синими озерами — пустынной, пустынной тундре. Мысленно все время — мысленно и молитвенно — обращалась к тем, кто проложил самую северную в мире ж/д — от Дудинки до Норильска; за тех, кто возвел странный, феерический, не по нашему (даже не по земному) комфортабельный, архисовременный город; за тех, кто разработал богатейшие в мире прииски медной и алюминиевой руды; за тех, кто ушел в эту вечномерзлую, непрорываемую землю...

Проезжали мы и мимо Курейки — «стана», где находился в ссылке бывший вождь и организатор наших побед, и не только побед. Избушка, в к-ой он жил, была в период «культа» обстроена огромным, стекляннно-мраморным павильоном; павильон этот сохранился; но туристические пароходы не останавливаются больше у этой деревушки, безмолвствуют гиды и не салютуют гудки. — В нашем родном Туруханске остановка была всего два часа, мы кое-как успели обегать всё рысью и галопом; но и этой поверхностной прогулки оказалось более, чем достаточно, чтобы убедиться в том,

что «жить стало лучше, жить стало веселее, товарищи» — без помощи бывшего обитателя курейской избы...

Ну ладно, всего в письме не перескажешь. Бог даст повидаемся и дадим волю языкам; говорю — Бог даст, ибо мы пока что прочно заперты в тарусском (вернее — калужском) карантине, и только и остается, что на Бога уповать, чтобы отсюда выбраться! Работаю не покладая рук и жидкого умишки над своим переводом. Не вставая с места обаддела; устала; к тому же поганю себя чувствую. В течение месяца мучали таинственные «опоясывающие» боли «в районе» печени и поджел. железы; в результате совершенно сломался желудок; ничего не могу есть, кроме жидких кашниц да сухарей; отощала; ослабла. Надо бы всерьез к врачам, но — карантин держит и нас, и вещи, и кошку... Чем черт не шутит в наш атомный век... Как я рада, что твоя штука в гортани оказалась доброкачественной. Но что с ней делать дальше? Оперировать? Воображаю, сколько с этим было переживаний. Рада, что Женя нашла себе и спутника в жизни. Дай Бог! — Если ваша коллекция котов вам кажется недостаточно обширной — можем соответствовать!

Целуем! Пиши! Твоя Аля.

Почтовая карточка.

Atvirukas. Паланга. Пирс. Palanga. Juros tintas.

(МОК МЦБ КП 682, дар А.А. Саакянц)

Письмо А.Э. Эфрон к Е.Я. Эфрон и З.М. Ширкевич по адресу: Московская обл. ст. Болшево Северной ж/д пос. «Зеленовод» д. 12. Штамп почты в Паланге — 22-863, в Болшеве — 25-863.

Марка «Андрей Рублев» с номиналом 4 к. 1961

22 авг. 1963

Дорогие Лиленька и Зинуша, шлем с Ансей вам свой пламенный прибалтийский привет из Литвы — поехали на сутки в Палангу, около 70 км. От Лиепая — навестить Асю и Ригу, да кстати Ане показать литовский курорт. Ася на отдыхе гораздо лучше и спокойнее, чем в обычном обиходе, а кроме того поправилась и даже пополнила; Рига повзрослела (через месяц ей 16 лет), мила, проста, и отношения с бабушкой как-то «нормализовались». Живут в боковой от стены чердака, платят 2 р. в сутки, как и за приличное помещение (но на чердаке уютнее и за беспорядок спросу нет!) — в одном углу

иконостас, в другом — 40 грязных бутылок из-под кефира, всё, как обычно. Через каждые полчаса принимают гомеопатию, самозабвенно купается в очень холодном (+15!) море, после чего гуляют от уборной до уборной, после чего пьют кефир, после чего складывают немытые тарелки в кран, после чего молятся; изъясняются, кроме молитвы, только по франц. и по англ.

Паланга — настоящий европейский курорт, море, сосны, песок, цветы, магазины *et des juifs partout*.

Обнимаю. Из Лиспан напишу. Ваша Аля. Аня шлет сердечный привет.

Письмо А.Э. Эфрон к Е.Я. Эфрон и З.М. Ширкевич
на двух фотографиях
(МОК МЦБ КП 710/1,2, дар Р.Б. Вальбе)

23 июля 1969

Дорогие мои Лиленька и Зинуша, вчера мы приехали из двухдневной поездки в Великий Устюг (пароход не прошел по обмелевшей Сухоне, ездил на каком-то экспериментальном сверхскоростном катере, ездил на каком-то экспериментальном сверхскоростном катере, ночевали в «доме колхозника»). Город — сказочный, почти не тронутый нашей разрушительной цивилизацией, благодаря отдаленности от железной дороги; множество церквей в относительно хорошей сохранности, дивные монастыри; да и сам облик города не искажен двадцатым веком — самое позднее в нём — это век девятнадцатый. Прелестные каменные барочные особняки, прелестные барочные же лавочки — булочные, бакалейные и прочие — как в давнем и дивном сне! И жизнь выглядит степенной, неторопливой, правильной, не загнанной, не судорожной...

Помимо всего прочего, люди здесь просто хорошие хозяева (как вообще поморы!) и поэтому все еще действующие церкви снабжены ставнями, крышами, крепкими замками, сторожами при многих из них (церквей) состоят бывшие священники; во многих церквях целы иконостасы (здесь иконы в основном строгановской школы). Иконы изумительны — есть древнего письма, как и остатки утвари. В Прокопьевском соборе — Тихвинская Божья мать, подлинник — прелестная, смутная, печальная. В Устюге еще «Бог дал ноги», т.е. они болели меньше обычного и я много где смогла побывать.

Сейчас стоим в отвратном Котласе, откуда сегодня же — в Сольвычегодск, но вершина всей поездки, несомненно, Великий Устюг. Скоро уже во-сво-яси... В 1х числах августа увидимся, всё расскажу! Крепко целуем! Ваши А.А.А.

На первом фото — изображение Прокопьевского собора г. Великий Устюг. На втором фото — Советский проспект г. Великой Устюг (карандашная надпись).

Письма А.С. Эфрон Изману Ибрагимовичу Музафарову.
Они были любезно переданы в музей Б. Мансуровым
(дар Маргариты Тарсиной из Ташкента)

26 мая 1974

Милый Изман Ибрагимович, рада была получить Ваше письмо. Оно долго до меня добиралось (пересланное из «Звезды» в Москву, застряло тут, пока я была на даче). Кстати, вот мой летний (до сентября) адрес: — Калужская обл. г. Таруса ух. Ефремова 15. Адрес с сентября до весны: — 125319, Москва А-319, Красноармейская 23 кв. 66.

Мур погиб в июле 1944 года, около Даугавпилса (Латвия); удалось получить сведения о том, что он был ранен 8 июля и направлен в медсанбат; повидимому, рана была смертельной. Записи (учета личного состава) велись небрежно или вовсе не велись, т.ч. точная дата смерти и точное место, где он был похоронен, до сих пор установить не удалось. Ведет поиск один удивительно настойчивый и целеустремленный человек, сотрудник армейской газеты «Кр. Звезда», подполковник — и место работы и звание позволяют ему добраться до недоступных нам архивов, разыскивать однополчан и т.д.

Впрочем, от всего этого не легче. Бедный мальчик, такой красивый, такой одаренный, проживший такую несчастливую и короткую жизнь!

Уцелели его дневники (в том числе и ташкентского периода) — и письма, которые он успел написать, и пачка рисунков — грустные доказательства его способностей. Все мои близкие погибли не дожив до лучших дней. Жестокие и бессмысленные гибели во мраке той эпохи. Во мраке и в отчаянии.

Нет, внешне Мур походил не на отца, а на мать, а внутренне был как-то «сам по себе», хотя и унаследовал одаренность обоих родителей.

Как устроилась Ваша жизнь после войны? Чем Вы занимаетесь? Какова Ваша семья? Напишите! Мне приятно было услышать Ваш голос издали — голос Муриного друга.

Всего Вам самого доброго!
Ваша АЭфрон

28 августа 1974

Милый Измаил — Исму, спасибо сердечное за письмо, и простите, что так «задержалась» с ответом: все надеялась дождаться времени по-настоящему свободного, чтобы написать Вам «как следует», да так и не дождалась; много болела и тем не менее пыталась работать, эти-то попытки, поверх всех и всяких хворей, отнимали — почти что впустую — и время, и силы. Так что пока пишу несколько строк наспех, а настоящее письмо, Бог даст, всё же сбудется! Лето в наших краях было нынче из ряда вон плохое, холодное и дождливое, такого не упомяну за долгие годы. М.б. отчасти и из-за этого не удавалось толком ни отдыхать, ни работать — так угнетало постоянное ненастье не только людей, но и всю природу, которая тоже и не отдыхала, и не работала, а только маялась, что, естественно, сказалось в первую очередь на урожае. Теперь же, когда «смазываем удочки» и собираемся в Москву, вдруг — слишком поздно! — выглянуло солнце и потеплело... Рада была получить Вашу фотографию, в ней легко проглядываются черты того мальчика, который был другом нашего Мура и сохранил о нем добрую и долгую память. Мур вспоминает Вас не раз в своем дневнике ташкентских лет (который сохранился) — вспоминает наравне с Толстыми — и многими другими тогдашними обитателями Ташкента. В частности, пишет и о том, что в Вашей семье частенько подкармливали его в то несуетное время, и вообще помогали существовать. Спасибо вам всем за это — ведь он был так одинок на белом свете. Столько лет прошло, а эти раны не заживают и также горе всегда будоражит душу за бедного мальчика, такого одаренного, такого одинокого и несчастного! А он всё верил в счастье, в «свою звезду», мечтая о будущем, о любимой профессии — еще с фронта писал об этом, еще накануне гибели. Нынешним летом, среди прочих работ — собственных и — связанных с архивом матери, который я готовлю для передачи государству (на вечное хранение!) — я занималась и приведением в порядок писем брата; перепечатывала на машинке

(копии для себя, подлинники также сдам в Центр. Архив лит. и искусства в Москве) — и вновь и вновь поражалась взрослому их уму, общей одаренности, культуре... даже удивительно, когда вдруг возникают в этих письмах школьные заботы...

Из всей нашей семьи осталась я одна; и отец и мать погибли в 1941, брат — в 1944, муж — в последние бериевские судороги, когда затевалось «дело врачей» и прочие тому подобные дела. И когда я сама выбралась — в 1956 году — из «мест не столь отдаленных», всё пришлось начинать с нуля, всю жизнь! И не на кого было опереться и негде было передохнуть, и некому было порадоваться. Столько погибших — и ни одной могилы! Мамина могила затерялась на кладбище в Елабуге (Татария) и найти её невозможно; остальные же близкие где? В каких общих рвах нашли себе «вечный покой»?

Скоро перебираюсь в Москву; если напишите мне туда словечко — буду рада. Если захотите фото Мура — пришлю. Еще раз великое спасибо за добрую память о нашем чудесном мальчике — к которому судьба была так беспощадно-несправедлива! Сердечный привет Вашей семье!

Ваша АЭ

PS От Кудровой ничего не получала — и поступок ее — написать Вам прежде, чем удосужиться переслать Ваше письмо мне — нашла не весьма корректным!

20 декабря 1974

С еще одним Новым годом, милый Измаил! Всего, всего самого доброго и счастливого Вам и Вашим близким в каждом из предстоящих нам 365 дней — а также и во все последующие. Не сердитесь на меня и не обижайтесь, что так редко пишу — никак не справляюсь со всеми своими многоотраслевыми обязанностями, а также, увы, со старостью и болезнями. Пусть это извинит меня хоть сколько-нибудь в Ваших глазах.

Действительно, произведения Цветаевой найти невозможно — даже в библиотеках они «зачитаны», т.е. попросту украдены. И купить не купишь, разве что у спекулянтов списанным товаром — но там цены невозможные — Цв. томик доходит до 60–75 р.! Но я все же приложу все усилия, чтобы раздобыть что-то для Вас. Мама наша с Муром погибла не в Казани, а в тат. городке Елабуге. — (Это на Каме, недалеко от нынешнего Камаза — найдете на карте г. Чистополь, так

Елабуга почти напротив, на противоположном берегу реки.) Оттуда Мур и эвакуировался в Ташкент (через Москву, где прожил недолго).

Ваше письмо подробное к Кудровой она прислала мне лишь недавно, я его перепечатала для себя и возвратила ей подлинник. Очень хорошее письмо, написанное рукой друга.

Посылаю Вам карточку Мура в «тельманке» — тут он младше, чем Вы его знали, и не так красив, как был на самом деле; еще подросток, и — печальный. Есть снимок более поздний и гораздо лучший, но сейчас он находится у человека, который разыскивал Мурины военные следы и подготовил о нем, и о поисках его военного пути, очерк.

Если этот очерк удастся опубликовать, пришлю непременно, а также и лучший портрет, как только он ко мне вернется. — Кстати, этот пейзаж Шишкина, что на открытке, написан в окрестностях Елабуги. Художник был родом из этих краев. Еще раз всего Вам самого доброго и хорошего!

АЭфрон.

Текст на открытке -И.И. Шишкин. 1832-1898. Зима. 1890. Холст, масло. Государственный Русский музей (Ленинград: изд-во «Аврора», 1974)

Балакин Александр Степанович

Образование — Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, факультет журналистики. Место работы — Музейное объединение «Музеи наукограда Королёв». Должность — научный сотрудник отдела «Мемориальный Дом-музей Марины Цветаевой в Болшеве». Сфера научных интересов — жизнь и творчество представителей семейства Цветаевых, Эфрон, Клепиковых, Ахматовой, Саакянц, Магухина (в России, Европе). Цветаевский, Болшевский некрополь.
E-mail: musmcb@mail.ru, alexbal05@yandex.ru

Шкурлатовская Ирина Викентьевна

Образование — Российский государственный гуманитарный университет (Москва). Место работы — Музейное объединение «Музеи наукограда Королёв»; должность — заведующая отделом «Мемориальный Дом-музей Марины Цветаевой в Болшеве». Сфера научных интересов — фонды отдела «Мемориальный Дом-музей Марины Цветаевой в Болшеве».
E-mail: musmcb@mail.ru